

Кудин Андрей
Владимирович

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Ангел-строитель

Андрей Владимирович Кудин

Ангел-строитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51836058

SelfPub; 2020

Аннотация

Действия произведения основаны на реальных событиях, и происходят на одной из застраиваемых территорий города Минска. Главный персонаж – неприметный мужчина сорока лет, работник стройки. В описываемый день в его жизни, проходящей, как и почти у всех людей его статуса, точно по расписанию, всё изменится. Правда, сам он поймёт это не сразу. Содержит нецензурную брань.

В строительном городке было ещё тихо и пусто. Две собачки бросились Прохорову навстречу, виляя хвостами, но, поняв, что у него ничего нет, тотчас перевели внимание.

– Не брал я сегодня ссобойку, – сказал больше самому себе Прохоров. – Голова трещит так, что ни делать, ни думать ничего не хочется. Как же это день отбыть?..

«А ведь странно, и не пил же ни капли...», – думал он дальше про себя, замечая иронию во всём, что с ним в последнее время происходит. Оторвавшись от мыслей, оглянулся на собак: одна чесала лапой голову, другая замерла и смотрела куда-то вдаль.

– Скоро все мы съедем отсюда, кто тогда будет вас кормить, а? – возникла на лице его ухмылка.

Он отпер дверь бытовки, но не сразу вошёл внутрь. В нескольких шагах от него стояли куски пенопласта – то есть, они стояли там уже около двух недель; в том же месте лежали обрезки кровли и много чего другого, никому ненужного. Соседний проход между бытовок был устлан контейнерами от обедов, стеклянными и пластмассовыми бутылками. А сразу же за городком начиналось, вернее, продолжалось поле – настоящие топи в такую непогоду, – где на небольшой возвышенности стоял бульдозер, имеющий грозный, воинственный вид.

Почему-то эти вещи привлекли его внимание, именно сегодня, именно сейчас. Хотя, может быть, дело не в них? Что-

нибудь другое, неважно, что, он разглядывал бы точно так же... «Странно...» – подумал он; но прежде, чем продолжить эту мысль, обвёл ещё раз взглядом строительный городок, обрывок поля, дремлющие новостройки... В тишине, в отсутствии рабочих действительно было что-то необычное. Прохоров сообразил, что впервые за три или четыре месяца (сколько это он уже здесь работает?) он пришёл в городок так рано. Каждый день вместе со всеми ездил на рабочем автобусе, который раньше восьми сюда не приезжал. А к тому времени жизнь в городке уже шла полным ходом. Так что странным было то, что встал он ни свет, ни заря (да, к тому же, явно не с той ноги) и попёрся в такую рань пешком на работу. Вот и вся странность. Находя своё экстраординарное решение в сущности дурацким, Прохоров с неприятным чувством вошёл в бытовку. Прогулка на свежем воздухе не избавила его от головной боли и отнюдь не придала оптимизма, скорее наоборот. Он открыл шкафчик, повесил куртку; во время стягивания с себя свитера, упал на скамейку, и едва не упал вместе с ней. Пока переодевался, в голове медленно прокручивались разные эпизоды и разговоры вчерашнего рабочего дня... Вдруг вспомнилось, что вчера во время обеда всё-таки довелось принять немного на грудь – но, сколько там! – от этого голова не могла разболеться. «От погоды, наверное», – заключил он, и встал со скамейки. Мысли о вчерашнем дне как будто немного помогли. Прохоров сел за стол и подтащил к себе стопку газет.

Эту газету принесла вчера Нина Петрушевич, женщина из его бригады, – громко с порога она бросила: «Угадайте, сколько Брюс Уиллис ежедневно спускает в казино? Триста тысяч баксов!» Ей так хотелось произвести эффект (и, конечно, с подобной информацией ей легко это удалось), однако она прочла неправильно. Ни один человек в мире не может ходить в казино каждый день, да ещё при этом оставлять в нём по триста тысяч долларов. Не ежедневно, разумеется, может быть, раз в месяц. В другой газете наиболее значительной была статья о том, что некая дама тратит сотни тысяч долларов на одни только сумочки. Но сейчас Прохорову не хотелось читать ничего подобного. Его привлекли яркие страницы журнала с крестословицами и анекдотами. Вычитав, однако, парочку пошловатых опусов на тему семейной жизни, он отодвинулся от стола и задумался. Его сын перестал его уважать, и это правда! Что это он спросил у него вчера?.. А, вот... он пришёл на кухню и сказал:

– Кстати, Прохор Петрович (так иногда он обращается к нему, – что бы это могло значить, как правильно на это реагировать?), вот вас как учили в те времена? Что труд облагораживает человека. А теперь вот люди более здравомыслящие говорят обратное – что тяжёлый физический труд изнуряет и оскотинивает.

– Что? – произнёс Прохоров старший, отрываясь от полусонных мыслей, посещавших его во время еды. – Ты о чём?

– О чём... о том, что и невооружённым глазом видно. Вот

ты скажи, сколько лет ты работаешь на стройке своей?

– Ну...

– Ну и много ты лиц облагороженных видел?

– Ты чё, чё ты такое мелешь?!

– А то, что рыла там одни, а на некоторых так и смотреть тошно!

После такого засомневаешься: говорил ли он о других, или же и своего отца к их числу относил. Прохоров старший рассудил в выгодную для себя сторону, однако словно бы ненароком посмотрел на свои руки, которые в отдельных ситуациях старался скрывать от собеседника. Его руки – это руки трудяги, говорил он себе – но так ли это? Пальцы выглядят грубыми, какими-то даже неестественными... хотя почему они должны выглядеть иначе, если он работяга?! И всё же Прохоров испытывал сомнения по поводу своей внешности. После, проходя мимо зеркала, он остановился и стал смотреть на себя, надеясь побороть сомнения.

Сын давно ни во что его не ставит. «Почему это?!» Прохоров стал нервно заламывать пальцы. Когда и почему их отношения изменились? Но вот вопрос этот уже не стоит так остро, как всего несколько секунд назад. Егор – взрослый парень, у него своя жизнь, свои, наверное, более современные взгляды на вещи, а у него свои, и своя жизнь... Молодёжь нынче сложная, нам, так сказать, старикам трудно найти с ними общий язык. Конфликты? Так ведь они повсюду, пойдди, разберись, кто в них прав, кто виноват. У каждого своё

мнение, и каждый по-своему прав будет. Насвистывая что-то невразумительное, Прохоров встал с табуретки, засунул руки в карманы. Решил выйти на порог; остановился, чтобы включить радио, в последний момент передумал включать. Одно то, что он вырастил достойного сына, сглаживает многие его личные недостатки.

К этому времени успело понаехать машин. Из салона проплывающей мимо бытовки Прохорова Рено Лагуна рвалась наружу музыка в стиле рэп, которая создавала в городке совершенно иную атмосферу, нежели приглушённо-тоскливые звуки шансона, что вкрались в него пятью минутами раньше. Власть над ним мгновенно перешла к ней. Но вот машина припарковалась и затихла, и негромкая песня о лагерях окутала городок вновь.

По какой-то причине Прохоров, в отличие от большинства своих приятелей и коллег по работе, шансон недолюбливал. Хотя, впрочем, в отдельных случаях – под бутылочку, в небольшой компании друзей – убедительное пение шансонье приходилось по душе и ему.

Над мотором одного из автомобилей склонилось сразу несколько человек... Прохоров никогда не был водителем и не собирался им становиться, и, конечно, как всякий закоренелый пешеход немного завидовал владельцам автомобилей. Но такие сцены, как эта, забавляли его. При виде человека, копающегося в своём авто, или прослышав о том, что кто-то вбухал в него кучу денег, он испытывал лёгкую радость отто-

го, что он не автомобилист. «Сколько ж той зарплаты, чтобы ещё и машину на неё содержать! Мы столько не зарабатываем! А вдобавок, сколько лишнего беспокойства и суеты! Как говорить, когда был пешеходом, проблема была только одна, как сделать путь короче, а как купил машину...»

– Привет, коллега, – протянул ему руку Саша-плотник. Заметив грязь на штанине, громко обронил: – о, ё... (ёмаё)! – а потом, уходя, оглянулся и сказал: что-то ты рано сёння, – можа, пешком х...у (шёл), ха-ха?

– Пешком, – ответил Прохоров и зевнул.

Похоже, он приходил в норму после долгой, беспричинно-бессонной ночи.

–А, х...и (что ж вы думали)! – резко донеслось до него. – Ну, так ё... (ёмаё), я ж тяперака...

Разговоры, к которым обычно не прислушиваешься, бодро и ненавязчиво звенят в утренней атмосфере городка; легко и незаметно возвращают в привычное русло жизни всякого, кому случилось хотя бы сколько-нибудь отдалиться от него.

Прохоров оттолкнулся от порога бытовки и двинулся к открывшейся за подъехавшим автомобилем синей двери прорабской. Это была обычная его походка... порой она казалась вольной, почти беспечной – как сейчас, то напротив тяжеловатой, задумчивой и как будто с ударением на левую сторону – как всего час назад.

– Здравствуй, Васильевич, – поздоровался он с прорабом.

– Здорово. Как настроеньице?

– Нормально, – не задумываясь, как обычно, ответил Прохоров.

Васильевич суетливо перебирал стопки бумаг, сложенных на крышке сейфа.

– А у меня вот не очень... – прозвучала в его голосе нотка серьёзности, которая почему-то вынудила Прохорова приспособливаться к дальнейшей беседе.

– Да, о...ь (отстань) ты! – донеслось с негодованием с улицы.

– Кто там к кому при...я (пристал)? – бездумно произнёс Васильевич, будучи занят своим делом.

Прохоров взглянул на него исподлобья, являя серьёзнейшую мину, которая в действительности выглядела скорее нелепо. Так и хотелось сказать что-нибудь остроумное. И всякий раз, общаясь с прорабами или, тем более, с начальством, хочется, чтобы к тебе отнеслись с большим вниманием, чтобы смотрели на тебя ни как на простого рабочего, а как на равного себе.

– Что-то, может, случилось?

– Да в том то и дело, что ничего не случилось, а должно было случиться, – загадочно протянул Васильевич.

Прохорову захотелось сесть. Слова прораба вызвали уже знакомое ощущение: неразбериха везде и во всём, и на фоне её собственное бессилие, ощущение, что ты, также, как и все, не способен разобраться до конца в чём-либо, ощущение,

зачастую доводящее до смеха, до идиотизма.

Странное дело... эта будничная жизнь, которой живут простые смертные, в которой не происходит практически никаких перемен, а, может быть, и не только... может быть, даже жизнь в целом – похожа на какой-то нелепый театр, где всё как-то... поверхностно, что ли; где люди-актёры точно не знают, какие роли им отведены, и в чём суть самого театрального действия. Один из немногих афоризмов, что он знал, и который приходился ему по душе, в отличие от других, «слишком заумных», был предельно короток и ясен. Он звучал так: «Что наша жизнь? Игра!» В редкие, но периодически повторяющиеся моменты жизни Прохоров любил произнести эти слова вслух.

– Ты о чём это, Васильевич?

– Сантехники ни х... (совсем) не успевают на этой неделе отопление запустить. Завтра, кали морозы ё...ть (ударят), будете сидеть без работы.

Чему Прохоров и был рад. Да и любой, кого не возьми, радовался бы в душе точно так же. Но только сейчас эта радость для него была мимолётной. После этих слов, смысл которых он не сразу уловил, так как ожидал от Васильевича иного ответа, он отнюдь не почувствовал себя бодрее. Взгляд его устало бродил по бытовке, затем наткнулся на текст, висевший на стене. «Не зли других, и сам не злись – мы только гости в этом мире. И если что ни так, смирись...». Закончив чтение в этом месте, Прохоров потупился и, по причине

некоторого сумбура в голове и, одновременно, от безделья, забарабанил пальцами по стулу.

– Федька! – окликнул его кто-то, когда вместе с бригадой он шёл по городку.

– Чего? – без привычного задора отозвался Прохоров.

Со стороны на него надвинулось красное, морщинистое лицо Кириллыча.

– Надо мне цементик.

– Сколько?

– Мешочка три...

– Ну, подходи, насыпай.

– Ближей к обеду, добра?

– Только мешки пустые приноси!

– Прохоруныка, ё... Это ж, сколько лет, сколько зим?!

На сей раз Прохоров остановился – от неожиданности. Перед ним вырос старый знакомый, механизатор Серёга, с которым он вместе долгое время проработал в «МАПИД-е». Они не виделись с тех пор, как Прохоров уволился. А уволился он почти четыре года назад. Да, вот так встреча! Он почувствовал, что это должно взбодрить его.

– Уж кого не ожидал увидеть! Ты ж вроде покончил со стройкой?

– Не я с ней, а она со мной.

Рука механизатора крепко сжала руку Прохорова, а потом слегка хлопнула его по плечу, от чего тот покачнулся.

– Ну-ка, ну-ка...

– А что рассказывать... За...о (достало) всё! Директор поймал с поличным...

– Когда солярку загонял?

– Ну. И я сказау, яб...ь (работайте) сами! Он, мол, предупреждение на первый раз... А что предупреждение, – зарплату все равно урежут, а я б... пахау у прадлёнку – мне это тоже на х... (совсем) не надо было. Я кинул и яб...ь (работайте) сами, а я лучшую работу найду!

– Ну и где сейчас ты?

– У частного работаю, личным шофёром, ну, как... не только личным, вожу всякую х...ю (ерунду).

– В смысле?..

– В смысле стройматериал.

– А...Ну а как зарплата?

– Да, за...ь (хорошо). Не, так... средне. Мне хватает.

– Понятно...

– Ты лучше скажи, як ты тут змагаешься?

– Да ничего. По-тиху змагаюсь... Ты это, какими судьбами здесь оказался?

– Дела личные решаю. Ремонтom заняться решил.

– А...Своим или чужим?

– На х...(зачем) мне свой!

– Ясно. Что неясно, так это, чего тебя сюда-то занесло?

– Х...и (что) тут понимать. У меня ж тут знакомых пол-стройки! Витька привет!

– Здорово, Серёга! Каким это ветром тебя принесло?..

Бригада маляров-штукатуров двигалась к своему объекту, что находился довольно далеко от городка. Идя друг за другом, каждый старался попасть в след впередиидущего, так как дороги не было, а земля порядком напиталась дождями. Кто-то шёл молча, кто-то, ругая бездорожье и бьющий в лицо сырой ветер, кто-то, невзирая на трудности пути, рассказывал про вчерашний день, да ещё и щёлкал при этом семечки. Прохоров шёл впереди всех, ссутулившись, пряча лицо, шею и руки от холода, напряжённо глядя под ноги. Примерно так же он преодолевал расстояние от дома до работы сегодня рано утром. Ничего и никого не замечал, лишь асфальт, лужи, да мелькание собственных башмаков. И был такой же ветер, который вынуждал его брать то в одну, то в другую руку ничего не весящий целлофановый пакет. Почти всякий раз, когда остаётся один, Прохоров ускоряет шаг, – его взгляд при этом устремляется в одном направлении, на исключительно лежащий перед ним отрезок пути. И лишь изредка что-нибудь, например, собственные мысли, вынуждают его рассеянно посмотреть по сторонам.

Но его тело знало о себе больше, чем он знал о нём. Это оно шло в любую даль, работало подолгу без усталости, – расходуя энергию, добывало её для себя. Реагировало на малейшие изменения во внешнем мире, – многие из которых ум не замечал. Обходило препятствия (вот, как сейчас, ловко

миновало глубокую грязь и затем торчащую из земли арматуру). И оно делало, и легко сделает это ещё бессчётное число раз. Это его каждую клеточку наполняет жизнь. Это оно – носитель знания о светлой и тёмной сторонах жизни. Тот, кому ведомы наслаждение и боль... кто понимает смысл, когда его не удаётся выразить словами. Это его постигает и не может постичь вечно блуждающий ум. А мечты – которые ум присваивает себе, так как считает бессмертным – на самом деле являются его мечтами. Настоящий мечтатель – оно, тело.

Прохоров вдруг на мгновение остановился. И тут же кто-то сзади налетел на него и толкнул.

– Бригадир, ты чо не идешь?! – звонкий женский голос раздался у него над ухом, обдав дыханием с запахом семечек

– Не задерживай народ! – за компанию, с особой выразительностью прогремел мужской бас кого-то постороннего, шагавшего параллельно людям из его бригады.

Прохоров же как будто ничего не услышал, – никак на это не отреагировав, двинулся дальше, углом зрения заметил глядящее на него с ухмылкой лицо того, кто только что произнёс эту фразу.

И вот снова явился на ум фрагмент из детства. Он бредёт по какой-то просёлочной дороге, – как обычно, с опущенной головой: перед его взором только бегущая земля, да мелькающие башмаки; ему нравится так идти, он вообще любит ходить, – особенно когда ощущается некая неопределённость.

Не знать в точности, куда и зачем идёшь, каким будет новый день и что тебя ожидает – в этом есть что-то чудесное, это его, юного Прохорова маленькая тайна. Но сейчас ему вспомнилось ещё кое-что. Он вдруг увидел перед собой обрыв и услышал голос паренька:

– Ты бы рискнул туда сигануть? – мальчишка сверлил его испытующим и хитроватым взглядом. – Давай поспорим, что нет!

– Давай поспорим, что и ты нет! – стоял за себя Прохоров.

– Ха, я то?.. Легко! Делал это уже не раз!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.